

После двенадцати лет жизни в Швейцарии, девяти лет в частных начальных и подготовительных школах и, наконец, трех лет в Федеральной политехнической школе Лозанны, я собирался вернуться в Соединенные Штаты.

Оба моих родителя работали в посольстве США в Берне. О подробностях я понятия не имел. Я ни разу не слышал, чтобы они говорили о работе. Мне было тринадцать лет в 1939 году, когда посольство приняло меры по обеспечению моей безопасности и образования, и когда мои родители исчезли на войне в Европе.

Во время войны я видел каждого из них всего три раза, и никогда обоих вместе. Они не говорили мне, что они делают, где были, куда едут и когда я увижу их снова. Было ясно, что они скучают по мне и не хотят уезжать. Но у них не было выбора. Мне пришлось оставаться там, где я был, до окончания войны.

Моя мать свободно говорила на итальянском и французском языках, а также на немецком. Мой отец свободно владел немецким, французским, итальянским, голландским и фламандским языками.

К восьми годам, до того как мы уехали из США в Швейцарию, мои предки дали мне основательную подготовку по французскому, немецкому и разговорному итальянскому языкам, поэтому переход из посольской школы, где занятия велись на английском языке, в частные швейцарские школы, где занятия велись на французском, а немецкий язык серьезно изучался, был легче, чем мог бы быть.

Хотя переход не обошелся без проблем, например, я не отреагировал на новую франко-швейцарскую идентификацию, которую мне дали в посольстве.

Функционер посольства ждал меня в офисе моего научного руководителя в Федеральной политехнической школе Лозанны в мае 1946 года после последнего выпускного экзамена. Все необходимые меры для моей репатриации были приняты.

И хотя я с нетерпением ждал возвращения в Штаты, меня немного смущало то, что все было организовано без моего ведома или участия. Вероятно, я все равно ничем не мог бы помочь.

Он сказал мне, что швейцарское правительство аннулировало мои швейцарские удостоверения личности и студенческую визу с момента окончания учебы, через три дня после выпуска.

Мне дали билет второго класса на пассажирский лайнер из Саутгемптона в Нью-Йорк, список университетов, заранее подготовленный для меня, в которых я мог учиться в США, конверт от моего отца, в котором было достаточно денег, чтобы провести несколько недель в качестве туриста, и длинное письмо.

Последние семь лет я получал от отца ежемесячную стипендию и почти не имел возможности ее потратить. Мои расходы в университете покрывались грантом, который включал жилье и

питание. Так что отъезд в Америку должен был стать приключением с хорошо набитым кошельком.

Рим, Италия 13 июля 1946 года

Я прибыл на железнодорожный вокзал в Риме рано утром, примерно за час до отправления поезда в Милан. Все еще с деньгами, несмотря на шесть недель турне по Австрии, Греции и Италии, я забронировал частное купе для поездки в Милан и Марсель.

Оттуда я должен был отправиться в Париж с двухдневным визитом и, наконец, в Гавр для переправы в Англию, где я проведу неделю у коллеги моего отца, прежде чем сесть на пассажирский корабль до Нью-Йорка.

Погода в Риме была жаркой, и в моем купе царил духота. Когда мы от

правились, я открыл окно. В купе по-прежнему было жарко, но, по крайней мере, воздух циркулировал. Я немного почитал. Я наблюдал за проплывающими мимо пейзажами. Несколько раз я ходил в вагон-ресторан и ел или пил вино с приятным пожилым джентльменом, владельцем книжного магазина неподалеку от Вероны.

Мой поезд на Марсель подошел вскоре после моего прибытия в Милан. Оживленный и любознательный кондуктор засыпал меня вопросами, пока провожал меня в купе, он подтвердил, что мой багаж передан, и убежал по другим делам.

Я только устроился, когда проводник вернулся, постучал и вошел без приглашения.

- Синьор, извините за беспокойство, но я должен посадить к вам еще одного пассажира. Женщина, путешествующая одна, заказала полуприватное купе, но единственное свободное место находится в купе с человеком, которого я слишком хорошо знаю.

Он гангстер, который часто путешествует между Миланом и Марселем. Ей было бы небезопасно путешествовать с ним. Он вульгарен, безжалостен и очень опасен.

Ваше купе - единственное, где есть место для нее. Я знаю, что это нестандартно, но я считаю, что с вами ей будет гораздо безопаснее. Вы - уважаемый студент университета. Я, конечно, возьму разницу между частным и полуприватным тарифами".

Я сказал ему, что буду рад компании, так как думаю, что большую часть ночного пути мы все равно будем спать. Он вернулся через несколько минут с молодой женщиной примерно моего возраста, вручил конверт с моей компенсацией и поспешно удалился.

Первое, на что я обратил внимание, - это буйная грива густых, пышных, русых волос, которые свисали крупными крутыми локонами до пояса. Она была одета в юбку крестьянского типа и

вышитую белую блузку, заправленную в юбку. Блузка сидела свободно, но юбка подчеркивала тонкую талию.

Зеленые глаза сверкали, как драгоценные камни. Цвет ее лица был светлым и безупречным, за исключением нескольких мелких веснушек, разбросанных по щекам и лбу.

У нее был мягко очерченный подбородок, высокие скулы и нос с небольшой горбинкой, которая придавала идеальному в остальном лицу небольшой изъян, что делало его еще более привлекательным.

На ней не было ни макияжа, ни украшений. У нее была кожаная сумка через плечо, небольшой плоский деревянный чемодан, испачканный различными красками, и потрепанная кожаный несессер для ночных принадлежностей. Она была высокой, около пяти футов девяти дюймов, и весила, по моим прикидкам, около ста двадцати. Она была так красива, что я почти потерял дар речи.

Я формально поприветствовал ее на итальянском языке. Она кивнула, улыбнулась, но ничего не сказала. Я попробовал говорить по-французски и по-немецки, но получил лишь пожатие плечами.

Мне не пришло в голову попробовать говорить по-английски. По ее одежде можно было предположить, что она европейка, а не англичанка или американка. Мы уселись на свои скамейки. Я ожидал, что поездка будет спокойной.

Незадолго до отправления поезда в купе вошли два карабинера и с акцентом на английском попросили предъявить удостоверение личности. Я протянул свой паспорт, и моя новая спутница сделала то же самое. У нее был паспорт США.

Когда карабинеры ушли, я спросил: "Вы американка?".

Она улыбнулась. - Да. Я думала, что вы швейцарец, потому что вы говорили на немецком, французском и итальянском. Я поняла ваше первое приветствие, но то небольшое, что я выучила по-итальянски, настолько ужасно, что никто его не понимает".

- Моя одежда - швейцарская. Я живу там с 1934 года. Мои родители служили в посольстве США, и я оказался там в ловушке, когда началась война. Недавно я закончил университет в Лозанне. Я возвращаюсь в США, чтобы жить и завершить учебу. Что привело вас в Европу?.

Она ответила. - Я взяла в весеннем семестре отпуск в школе и посетила Италию, чтобы изучать искусство. Я вернусь домой на несколько недель, а затем снова пойду в школу в сентябре. Моя семья живет в небольшой сельской общине к западу от Бостона.

- Вы художница? - спросил я.

-Нет, нет. Мой отец говорит, что у меня есть потенциал, но это просто хобби. Я не хочу заниматься этим серьезно. Я не настолько увлечена, чтобы страдать от бедности ради своего искусства. - Она засмеялась.

'Вы должны быть в какой-то степени серьезным человеком, чтобы учиться в Италии. Это должно быть дорого - проезд, обучение и проживание".

Она улыбнулась.- "Наверное, да, но я платила только за проезд. Я остановилась у своей тети. Она живет в Милане, помогает восстанавливать картины, украденные нацистами из музеев и у частных лиц. Она работает с несколькими талантливыми художниками, в основном англичанами и итальянцами, но есть и пара американцев. Несколько из них занимались со мной в обмен на присмотр за их детьми. Мой отец и его сестра - художники в семье. Как и моя мать, я более практична".

Я наклонился вперед и протянул руку.- "Я Джонас Тейлор". - Я едва не назвал свой псевдоним, Пьер Моран.

Ее рука была мягкой, теплой, тонкой, ногти короткие, пальцы длинные, без лака. - Я Гвендолин Кенрик, Гвен.

Мы говорили о семье и путешествиях, пока знакомились. Она рассказала о том, что происходит в Штатах. Она была потрясена тем, что я не видел своих родителей почти четыре года, но понимала, что война заставила пережить лишения многих людей. Она потеряла на войне брата и двух кузенов.

Хотя пребывание в Швейцарии не было идеальным, оно позволяло мне быть в безопасности и вдали от боевых действий, хотя я и не хотел их избегать.

Просто не было никакой возможности попасть на территорию штата, чтобы завербоваться. Представитель посольства посоветовал мне не связываться с итальянскими или французскими партизанами.

Мы быстро освоились друг с другом. Гвен была дружелюбной и интересной, но все же казалась немного настороженной. В США не принято делить полуприватное купе с незнакомым мужчиной.

Наша беседа постепенно затихала по мере того, как мы уставали и поезд двигался в сторону Марселя. Мягкое покачивание вагона и ритмичный стук колес по рельсам убаюкивали нас. Никто из нас так и не забрался на спальное место.